

5. Запороженко Г. М. Основные черты развития городской и рабочей потребительской кооперации в Сибири в начале XX века [Электронный ресурс]. URL: <http://hum.sbras.ru/kapital/project/modern/0,26html>. (дата обращения: 06.12.2005).

6. ГАИО. Ф. 171. Оп. 2. Д. 31. Л. 5об.

7. ГАИО. Ф. 171. Оп. 2. Д. 31. Л. 5об.

8. Сибирская деревня. 1916. № 9–10. С. 29.

9. Вестн. мелкого кредита. 1915. № 49. С. 2172.

МАНТУРОВА С. Ч.

ПРОБЛЕМЫ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ Г. ИРКУТСКА В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Российское законодательство в области социального призрения отличалось чрезвычайным многообразием законодательных актов. Среди них особую группу представляют законодательные акты регулирующие деятельность благотворительных обществ и частных лиц. Эти небольшие, но весьма многочисленные документы содержатся в Полном Собрании Законов Российской империи. По своему содержанию они больше соответствуют административным распоряжениям. В основе данного факта лежало то, что любое «волеизъявление» императора приобретало силу закона и становилось обязательным для исполнения.

Наибольшее количество законодательных актов в области благотворительности было принято в пореформенный период. Либеральные реформы 60–70-х гг. XIX в. способствовали повышению общественной активности российского общества, его участию в благотворительной деятельности, развитию форм и методов социальной помощи населению.

В Полном Собрании Законов Российской империи содержатся законодательные акты, посвященные благотворительности г. Иркутска. Они представляют особый интерес, поскольку общественные и культурные инициативы, рождавшиеся в этом городе, имели огромное значение. Как правило, они получали дальнейшее распространение в других городах Восточной Сибири.

27 октября 1857 г. было принято Высочайше утвержденное положение Сибирского комитета «Об устройстве в Иркутске больницы и богадельни на капитал, пожертвованный почетным гражданином Кузнецовым»¹. Следует заметить, что оно занимает

особое место среди аналогичных документов Полного Собрания Законов, как по своему содержанию, так и по объему. Большинство подобных законов обычно ограничивалось кратким изложением характера частного пожертвования, личности благотворителя и резолюции императора. В данном же законодательном документе представлена выписка из записки Министерства внутренних дел, доложенная Сибирскому комитету 28 сентября 1857 г., которая, в свою очередь, была составлена на основе подробного донесения генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского. Ефим Кузнецов в 1849 г. пожертвовал Иркутскому приказу общественного призрения 230 тыс. руб. в банковских билетах для устройства на его пригородной даче в г. Иркутске больницы из двух отделений: палату и богадельню на 20 коек для лиц мужского пола, небольшую церковь, аптеку для выдачи лекарств неимущим больным, хирургический зал с необходимыми инструментами и библиотеку. Дело осложнялось тем, что он умер в сентябре 1850 г., и только в 1857 г. был принят вышеуказанный законодательный акт, разрешающий использовать благотворительный дар Е. Кузнецова. За это время капитал увеличился и составил 327 тыс. руб., что, в свою очередь, его распорядителям позволяло, не изменяя намерениям благотворителя, значительно расширить возможности больницы, присоединив к ней новое здание, в котором можно было разместить фельдшерскую школу, единственную в Восточной Сибири. Ведь ближайшая школа для подготовки фельдшерских кадров располагалась на тот период в г. Казани.

В итоге, на средства Е. Кузнецова была устроена больница на 150 мест, богадельня на 60 мест, дом для умалишенных на 40 человек, фельдшерская школа на 40 учеников. Оставшиеся 127 тыс. руб. было решено оставить в Иркутском приказе общественного призрения и в дальнейшем использовать на содержание больницы, которая отныне по праву стала называться Кузнецовской².

Таким образом, благодаря данному законодательному акту разрешались все вопросы, возникшие вокруг благотворительного капитала Кузнецова, были окончательно решены организационные вопросы по его применению, оказана ощутимая помощь в укреплении здравоохранения Иркутска.

В Российском законодательстве встречались упоминания об Иркутском сиропитательном доме Елизаветы Медведниковой,

который входил в состав одного из крупнейших благотворительных обществ России – Ведомства учреждений императрицы Марии. Так, 9 октября 1854 г. впервые в списках Ведомства фигурирует Иркутский сиропитательный дом среди 228 учреждений, входящих в его состав. Среди кредитных учреждений Ведомства отмечается банк при Сиропитательном доме Елизаветы Медведниковой³. 22 октября 1861 г. был Высочайше утвержден штат Иркутского сиропитательного дома и учрежденного при нем банка. В целях увеличения средств на содержание данного благотворительного учреждения было назначено под учет векселей вместо 2 тыс. руб. прежних отныне 6 тыс. руб. одному лицу⁴. Таким образом, законодательное увеличение размеров векселей позволяло, в свою очередь, укрепить с их процентов содержание Сиропитательного дома Елизаветы Медведниковой.

Важное значение имело Высочайше утвержденное положение Комитета Министров «Об устройстве в Иркутске на пожертвование купца Лаврентьева богадельни для призрения неимущих и расслабленных людей податного состояния» (14 апреля 1859 г.). Петр Лаврентьев, иркутский 1-й гильдии купец, пожертвовал в пользу Иркутского приказа общественного призрения собственный каменный дом со службами и землей, снабженный мебелью, посудой, всеми необходимыми принадлежностями. Дом со всем обзаведением стоил 16 060 руб. 32 коп. К нему Лаврентьев прилагал дополнительный капитал в векселях на сумму 15 765 руб. 52 коп. с тем, чтобы с процентов этого капитала в доме была устроена богадельня для неимущих. Общая сумма капитала, пожертвованного Лаврентьевым, таким образом, составила 31 825 руб. 84 коп. О таком значительном пожертвовании тотчас было доложено через Комитет Министров Государю Императору, на что он в журнале Комитета изволил собственноручно написать: «Благодарить»⁵.

29 ноября 1874 г. Именным Указом, объявленным Сенату, было разрешено учрежденному в г. Иркутске ремесленно-воспитательному заведению называться благотворительным имени Никанора Петровича Трапезникова. Таким образом, для детей бедных горожан и крестьян Иркутской губернии на средства, завещанные покойным почетным гражданином И. Н. Трапезниковым, открылось ремесленно-воспитательное заведение, которому по просьбе жертвователя было присвоено имя его отца Н. П. Трапезникова⁶.

Именным, объявленным Сенату Указом 15/27 мая 1878 г. утверждалось пожертвование, сделанное иркутским 1-й гильдии купцом, статским советником Хаминовым. Пожертвованный им в распоряжение Министерства народного просвещения двухэтажный каменный дом в г. Сольвычегорске с необходимыми деревянными постройками предназначался для местного уездного училища. Кроме того, благотворительные средства в сумме 18 тыс. руб., пожертвованные им дополнительно, должны были быть использованы для открытия на нижнем этаже этого дома женского двухклассного училища с подготовительным классом. На просьбу именоваться учебному заведению «имени статского советника Хаминова», было получено высочайше разрешение и благодарность за пожертвование⁷.

26 июня 1878 г. был утвержден Именной указ, объявленный Сенатом и товарищем министра юстиции «Об учреждении стипендии в Иркутском Сиропитательном доме Елизаветы Медведниковой». В память благотворительных заслуг умершего почетного члена сиропитательного дома, почетного гражданина Баснина решили отчислить из запасного капитала этого заведения 2308 руб. для содержания одной стипендиатки в сиротском доме. Стипендии было разрешено называться отныне «имени Баснина»⁸.

6 октября 1894 г. было утверждено положение Комитета Министров «О пожертвовании вдовой действительного студента Варварой Кельх Иркутскому горному училищу принадлежащего ей в г. Иркутске каменного двухэтажного дома». Дом со всеми службами, как указывалось в документе, оценивался в 125 тыс. руб.⁹

Таким образом, вышеуказанные законодательные акты свидетельствуют о том, что благотворительная деятельность частных лиц г. Иркутска заслуживала внимания, поддержки и одобрения со стороны властей Российской империи. Следует отметить, что благотворительная деятельность забайкальского общества в рассматриваемый период в Полном собрании законов Российской Империи не получила своего отражения.

Упомянутые выше купцы, почетные граждане, без сомнения, представляли элиту иркутского общества. Это были не только богатые, состоятельные, но образованные и культурные люди. Показывая личный пример остальному обществу, они привлекали представителей всех сословий к участию в благотворительных делах, тем самым способствуя привлечению новых капиталов, вложений в развитие своего края.

Примечания

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т. 32, собр. 2, отд. 1. СПб., 1858. Ст. 32345. С. 865–868.
2. ПСЗРИ. Там же.
3. ПСЗРИ. Т. 29, собр. 2. СПб., 1855. Ст. 28612. С. 842.
4. ПСЗРИ. Т. 36, собр. 2, отд. 1. СПб., 1863. Ст. 37557. С. 395.
5. ПСЗРИ. Т. 34, собр. 2. СПб., 1861. Ст. 34375. С. 359.
6. ПСЗРИ. Т. 49. СПб., 1876. Ст. 54111. С. 401.
7. ПСЗРИ. Т. 51, собр. 2, отд. 1. СПб., 1878. Ст. 55947. С. 507.
8. Там же. Ст. 56141. С. 710.
9. ПСЗРИ. Т. 14, собр. 3. СПб., 1898. Ст. 10983. С. 594.

МЕРКУЛОВ С. А.

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ САПОЖНИКОВ (1861–1924): БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОПЫТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ В СИБИРИ

Явление «биография» интегрировано в каждого человека во все времена и у всех народов, т. е. по своим свойствам биография как форма вмещения опыта – тотальна, т. к. в широком смысле к этой форме можно отнести процессуальность любого объекта, который находится и развивается во времени. Биография исторической личности по своим свойствам может быть отображена только в языковом пространстве социума, поскольку культура – социальна и состоит из групп живых носителей языковой ментальности. Для каждого человека опыт является объективной системой взаимодействий в мире. Человек, взаимодействуя с объектами реальности, получает объективный опыт, который для других людей является субъективным. Поэтому опыт каждого человека уникален и не воспроизводим в полном объеме другими людьми. Из школьного курса биологии, физики мы знаем, что ни одно движение в мире неповторимо точь-в-точь. Если провести с помощью сильноточной аппаратуры анализ однотипных деталей, изготовленных автоматическим способом, то отличия всегда можно будет найти. В дубовой роще (в любой другой) не найти ни одного в точности повторяющего листа. Если изучать историю человечества через символ дерева, то можно увидеть, что дерево – тотальная история человечества, ветки – судьбы народов, людей, а листья – события. Еще в XIX в. американский писатель Ралф Уолдо Эмерсон (1803–1882) отметил, что «...никакой истории нет; есть